

ЭПОХА НЕОЛИТА

УДК 903

В.А. Зах

Институт проблем освоения Севера СО РАН
а/я 2774, Тюмень, 625003, Россия
E-mail: vzach@ipdn.ru

ПЕРИОДИЗАЦИЯ НЕОЛИТА ЛЕСНОГО ТОБОЛО-ИШИМЬЯ

Введение

В истории создания периодизации неолита Восточного Зауралья, в т.ч. Притоболья, можно выделить два этапа. К первому относятся исследования В.Н. Чернецова, О.Н. Бадера и В.Ф. Старкова, предложивших в конце 1960 – начале 1980-х гг. свои схемы на основе материалов лесостепного и лесного Зауралья. Для Приишимья и Прииртышья концепция развития комплексов эпохи неолита и бронзы была разработана в 1970-х гг. В.Ф. Генингом и его учениками, а позднее пересмотрена А.И. Петровым и дополнена А.Н. Панфиловым. Второй этап (со второй половины 1980-х гг.) связан с формированием концепций В.Т. Ковалевой и моей в основном для неолита Среднего Зауралья и Тоболо-Ишимья.

В.Н. Чернецов выделил в неолите лесного и Восточного Зауралья три последовательные фазы: козловскую (раннюю) – 4 000–3 300 лет до н.э.; юрьевско-горбуновскую – 3 300–2 700, честыйягскую (гребенчатую) – 2 700–2 200 лет до н.э. [1953, 1968]. По мнению О.Н. Бадера, восточно-уральская историко-культурная общность (восточно-уральская неолитическая культура) прошла четыре этапа развития, из которых первые три хронологически совпадают с фазами, выделенными В.Н. Чернецовым: козловский (4 000–3 300 лет до н.э.), полуденский (3 300–2 700 лет до н.э.), сосновоостровский (2 700–2 200 лет до н.э.) и липчинский (2 200–1 800 лет до н.э.). Последний он рассматривал в рамках восточно-уральской культуры, но считал энеолитическим [Бадер, 1970]. В основных схемах развития восточно-уральского неолита, предложенные О.Н. Бадером и В.Н. Чернецовым, совпадают. Периодизация В.Ф. Старкова [1980] основана на анализе значительного количества керамических комплексов. Период раннего неолита ха-

рактеризуется посудой закрытой формы, с наплывом на внутреннем крае венчика и с волнисто-накольчатым орнаментом. В развитом неолите сосуды полуяйцевидные, с наплывом на внутреннем крае венчика и волнисто-гребенчатым декором. Наряду с пластинчатой индустрией получает широкое развитие техника двухсторонне обработанных и шлифованных орудий. К этому периоду относятся в основном поселения юрьевско-горбуновской фазы, по В.Н. Чернецову, или полуденковского этапа, по О.Н. Бадеру. Керамика позднего неолита имеет полуяйцевидную форму, украшена преимущественно гребенчатыми оттисками; наплывы на внутренней стороне венчика исчезают. В каменном инвентаре уменьшается количество пластин, при изготовлении орудий чаще используются отщепы. Поздненеолитические комплексы соответствуют честыйягской фазе, по В.Н. Чернецову, или сосновоостровскому этапу, по О.Н. Бадеру.

Периодизацию восточно-уральского неолита пересмотрела В.Т. Ковалева, по мнению которой необходимость нового подхода продиктована открытием Л.Я. Крижевской на поселении Кошкино-5 комплекса, выделенного в особый, ранний тип – кошкинский. В связи с этим В.Т. Ковалева ставит и решает вопрос о двух различных, параллельных культурных традициях: автохтонная представлена козловской группой – полуденской культурой; линия развития с участием южного импульса – кошкинской группой – борзыкинской культурой [1989]. Эта схема, на мой взгляд, не вполне соответствует материалам и не проясняет ключевого для генезиса западно-сибирского неолита вопроса о соотношении комплексов с отступающе-прочерченной и гребенчатой, отступающе-прочерченной и гребенчато-ямочной орнаментацией керамики.

Периодизация культур неолита Среднего Прииртышья, распространенная и на территории Нижнего

Приишимья, была создана в начале 1970-х гг. В.Ф. Генингом и его учениками. Неолитические комплексы объединены ими в среднеиртышскую культуру с двумя этапами развития. Кокуйский выделен на материалах наиболее полно исследованного поселения Кокуй-1, датируемого IV тыс. до н.э. Посуда полуяйцевидной формы, орнамент покрывает весь сосуд, состоит из горизонтальных рядов оттисков отступающей палочки (иногда сочетающихся с гребенчатыми), разделенных рядами круглых, овальных или иной формы ямок. Каменный инвентарь представлен ножевидными пластинами с ретушью и без нее, концевыми скребками и миниатюрными наконечниками стрел. Поздний этап среднеиртышского неолита характеризуется материалами Екатерининской и Артынской стоянок [Генинг и др., 1970]. Предложенная уральскими исследователями схема была пересмотрена А.И. Петровым, выделившим два типа комплексов (екатерининский и александровский) с гребенчато-ямочной керамикой, которые представляют этапы развития екатерининской культуры, существовавшей в начале позднего неолита (первая половина – середина III тыс. до н.э.) [1986, 1987].

В начале 1990-х гг. в Нижнем Приишимье были исследованы хорошо стратифицированные поселения (Боровлянка-2 и Серебрянка-1), позволяющие пересмотреть и существенно дополнить предложенные ранее периодизационные схемы [Панфилов и др., 1991; Панфилов, 1991, 1993].

Основа формирования неолита Тоболо-Ишимья

Западно-сибирские неолитические комплексы, по мнению большинства исследователей, сформировались на основе мезолитических, уходящих корнями в местный палеолит. Тезис о преемственности мезолитических и неолитических материалов не вызывает возражений. Проанализированный мной по типологическим признакам каменный инвентарь с 14 памятников мезолита и неолита, распространенных от восточных склонов Урала до Прииртышья, разделился на две большие группы. В первую вошли мезолитический комплекс Черноозерья-6 из Прииртышья и материалы неолитических памятников Приишимья (Мергень-3, 6, Тюляшов Бор-2, Кокуй-1). Вторую образовали притобольские мезолитические комплексы поселений Сухрино-1, Серый Камень, Камышное-1, Ташково-4 и Исток-2, неолитический комплекс поселения Юртобор-3, а также мезолитический (Катенька) и неолитический (Мергень-5) из Приишимья. Для первой группы наиболее характерны пластины с ретушью и наконечники стрел, для второй – пластины без ретуши и резцы. Присутствие в первой группе, ос-

нову которой составляют неолитические памятники, мезолитических материалов и, наоборот, во второй, в основном мезолитической, двух неолитических памятников, на мой взгляд, свидетельствует о преемственности разновременных каменных комплексов. В первой группе объединены памятники, расположенные в пределах Ишимо-Иртышского междуречья, в их инвентаре продолжается традиция индустрии поселения Черноозерье-6. Во вторую, за исключением стоянки Катенька, вошли мезолитические памятники Притоболья, их материалы близки каменному инвентарию поселения Юртобор-3.

Лесостепные и южно-таежные мезолитические памятники Тоболо-Ишимья и Прииртышья, в кремневых комплексах которых отсутствуют геометрические микролиты, можно объединить в самостоятельную тоболо-иртышскую культуру с локальными (притобольским и ишимо-иртышским) вариантами. Ее материалы преемственно связаны с комплексами западно-сибирских палеолитических стоянок, их ареалы практически совпадают.

Керамическое производство на территории Западной Сибири, как считают многие исследователи, возникло самостоятельно, а самой древней является круглодонная посуда с напльвами на внутренней стороне венчика, с узорами, выполненными в отступающей и прочерченной технике. Судя по спорово-пыльцевым спектрам из культурных слоев боборыкинских поселений Мергень-3, Юртобор-3 и радиоуглеродным датам, в Притоболье и Приишимье керамика появляется в начале атлантического периода голоцене [Зах, 1995; Зах, Скочина, 2002]. Круглодонная и плоскодонная посуда, орнаментированная отступающей (иногда раздвоенной) палочкой, прочерчиванием и неглубокими ямочными наколами, во многом аналогична сосудам из Приаралья, Северного и Восточного Прикаспия. Петрографический анализ керамики из Притоболья, Приишимья и Прикаспия показал, что по составу теста и технологии изготовления северокаспийская и западно-сибирская боборыкинская посуда сходны [Ермаков и др., 1989]. Возможно, при сложении неолитической культуры Западной Сибири (и Тоболо-Ишимья, в частности) произошло смешение местного мезолитического населения со своими традициями изготовления каменных орудий (тоболо-иртышской культуры) и мигрантов, принесших на новые территории традиции керамического производства и некоторые элементы кремневой индустрии и других технологий.

Боборыкинская культура

Миграция южного населения, ассимилятивные процессы между ним и аборигенами, еще не знавшими

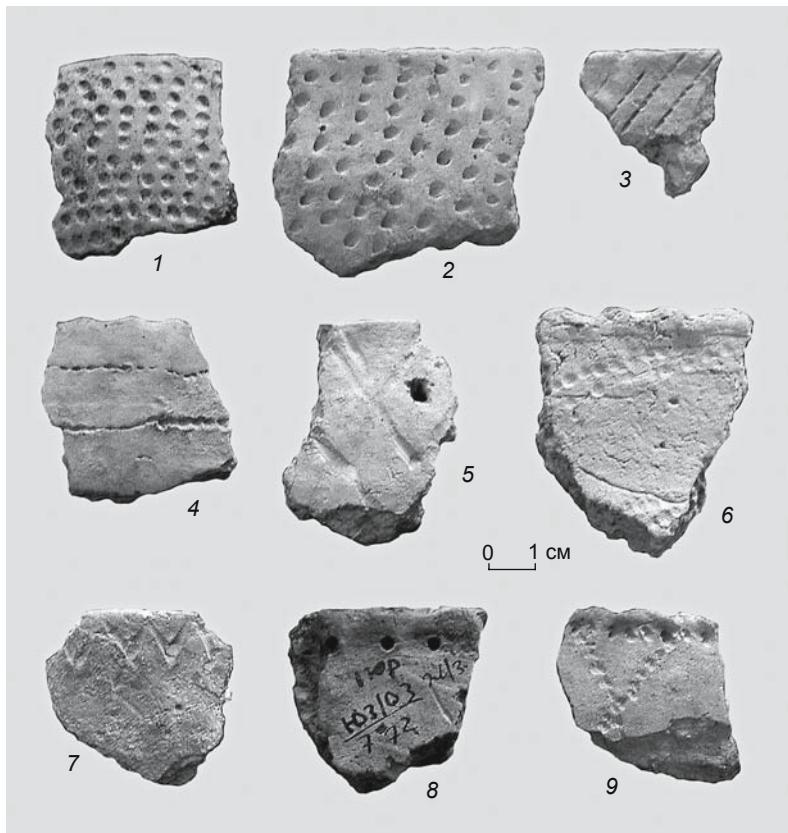

Рис. 1. Керамика боборыкинского этапа боборыкинской культуры с поселения Юртобор-3.

гончарства, привели, по моему мнению, к сложению в Тоболо-Ишимье неолитической боборыкинской культуры. Можно выделить два этапа ее развития.

Боборыкинский этап. Ареал боборыкинских комплексов на первом этапе охватывает лесостепные и южную часть лесных районов от верховий Исети [Викторова, 2002] до Прииртышья, а с учетом последних находок на поселении Автодром-2 и Барабы [Бобров, 2004], с центром в Тоболо-Ишимье. Преобладают жилища неправильно-округлой формы в плане, с одним или более выступами-выходами и подпрямоугольные со скругленными углами и удлиненным выступом-выходом, расположенным в центре одной из сторон или на углу. Площадь жилищ варьирует от 50 до 100 м² [Зах, 1995; Зах, Скочина, 2002].

Рассматриваемые сооружения имеют аналогии в достаточно широких пространственных и временных пределах. Круглые, иногда углубленные в землю дома известны на памятниках натуфийской культуры [Мелларт, 1982], Леуши-9 [Беспрозванный, 1985, 1997]; подобные жилища изучены на поселениях быстринского типа [Очерки истории..., 1999, с. 12], Исетское Правобережное [Кернер, 1991], Нижняя Макуша [Старков, 1983], Джанбас-4 и Кават-7 [Виноградов, 1968, 1981]. По мнению В.П. Треть-

якова, население в Прибалтике, Карелии, Волго-Окском междуречье и Среднем Поволжье жило в постройках округлой или овальной формы в плане [1972]. Неправильно-подчеты-реугольные жилища исследованы на памятниках Северного Прикаспия [Васильев и др., 1986, 1989].

Для изготовления боборыкинской посуды использовались тяжелые, средние и легкие суглинки, в тесто добавлялись песок, шамот и органика [Ермаков и др., 1989; Зах, 1999; Пошехонова, Скочина, 2004; Пошехонова, 2004], что близко рецептуре керамики с некоторых поселений днепродонецкой, нижневолжской и елшанской культур, где в сосудах обнаружены кости рыб, а на поверхности и изломах керамики – отпечатки водной растительности (в качестве основного пластического сырья использовалась, скорее всего, не глина, а ил) [Бобринский, Васильева, 1998]. В “состав формовочных масс входили различного рода искусственные добавки, главным образом органического происхождения, среди которых помет водоплавающих птиц, засоренный обломками пресновод-

ных ракушек, и навоз жвачных животных. Отмечена примесь шамота” [Моргунова, 1995, с. 15–16].

Посуда орнаментирована прочекченными линиями, оттисками одинарной и раздвоенной отступающей палочки, неглубокими круглыми вдавлениями, на некоторых сосудах под краем венчика глубокие круглые ямки (рис. 1). Иногда по краю венчика прослеживаются выступы – “ушки”, по мнению ряда исследователей представляющие собой зооморфные изображения [Ковалева, Арефьев, 1993].

Для боборыкинского этапа характерны: наличие неорнаментированных сосудов, доля которых на разных памятниках варьирует от 3,6 до 39,6 %; орнамент в виде неглубоких вдавлений; незначительное количество сосудов, орнаментированных гребенчатыми оттисками, в основном “качалкой”.

Для изготовления орудий использовались серый и коричневый алевропварцит, цветной кремень, окременный сланец, серый мелко- и крупнозернистый песчаник. Выявлено несколько основных групп орудий, связанных с охотой, переработкой охотничьей и рыболовной продукции, обработкой камня, дерева и кости [Скочина, 2002; Зах, Скочина, 2002]. Встречаются скребки, ножи, изготовленные из пластин и отщепов, резцы, резчики, скобели, наконечники стрел

на пластинах с обработанными со спинки и брюшка остирем и насадом. Особо выделяются пластины геометрической формы (симметричные трапеции, асимметричные треугольники, сегменты) [Васильев и др., 1998; Зах, 1995; Панфилов и др., 1991; Ковалева, 1989]. В.Н. Логгин отрицает связь трапеций с боборыкинскими керамическими комплексами лесостепного и южно-таежного Приобья [2002, с. 21; 2003] ввиду того, что считает боборыкинско-кошкянские материалы Тургайского прогиба раннеэнеолитическими.

Кошкянский этап. Кошкянские поселения распространены в пределах первоначального ареала боборыкинской культуры, занимают, как правило, мысы низких надпойменных террас рек и озер.

Преобладают жилища двух основных типов: подпрямоугольной со скругленными углами формой в плане, с одним выступом-выходом и подпрямоугольные (скорее подквадратные) со скругленными углами и выступом-выходом, расположенным в центре одной из сторон или на углу. Площадь варьирует от 30 до 60 м². Форма, конструкция и размер боборыкинских и кошкянских жилищ очень близки, что говорит, видимо, о единой линии развития домостроительства.

Для изготовления посуды использовались тяжелые, средние и легкие суглиники с примесью гидрокислов железа, к которым в качестве отощителя примешивались песок, шамот и органика. Особенностью кошкянской керамики является также значительное содержание органических и фосфатных остатков. В 80 % образцов отмечается остатки костей, жаберных крышек, чешуи рыб и пустоты от помета и растительных включений. Как отмечает Т.Н. Собольникова, “по составу формовочных масс кошкянская керамика в целом сходна с боборыкинской посудой. Для них характерно использование органики, что является необычным для Зауральской технологической традиции” [1999, с. 16]. Посуда горшковидная, слабо-профицированная и баночная. Выступ у днища менее выражен по сравнению с боборыкинскими сосудами, под краем венчика с внутренней стороны появляется небольшой наплыв, а с внешней – карнизик. Внутри венчиков прослеживается каналчик, оставшийся от сгоревшего шнуря. Аналогичные каналчики встречаются в Нижнем Приишмье позднее – на кокуйской керамике. Впервые они обнаружены на кипринской посуде в Верхнем Приобье [Комарова, 1956].

Сосуды орнаментированы полностью, хотя узор достаточно разрежен. Часть круглодонных и особен-

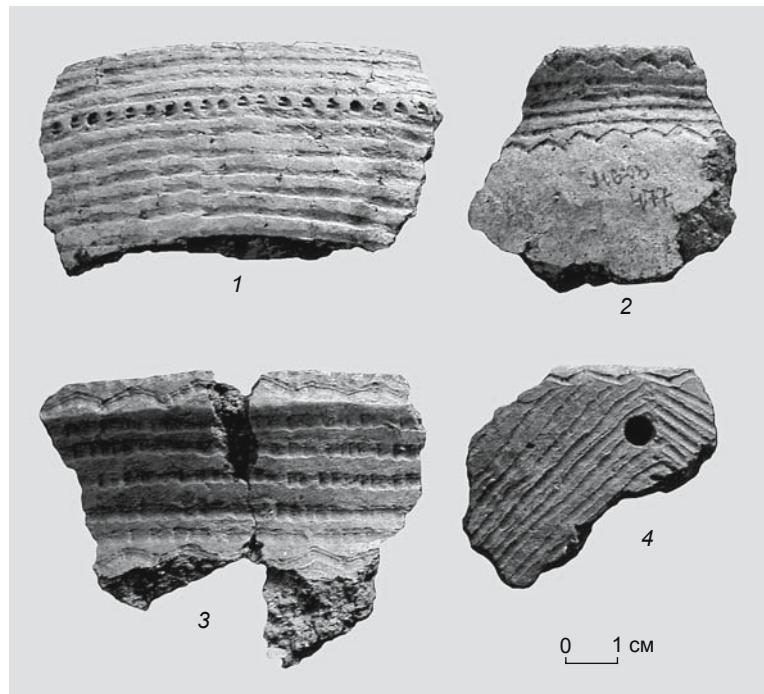

Рис. 2. Керамика кошкянского этапа боборыкинской культуры
с поселения Мергень-6.

но плоскодонные сосуды покрыты орнаментом на $\frac{1}{3}$. Украшены в основном верхняя, придонная части и дно (рис. 2). На некоторых сосудах по краю нанесены рельефные зооморфные изображения [Ковалева, Арефьев, 1993, рис. 5, 3]. Уменьшается количество неорнаментированной посуды. Наряду с горизонтальной зональностью используется вертикальная разбивка орнаментального поля; вертикальные зоны заполнены косыми линиями, выполненными в основном отступающей палочкой. Появляется орнамент в виде взаимопроникающих геометрических узоров (впоследствии получает развитие в козловских и полуденковских комплексах). На кошкянской посуде по сравнению с боборыкинской сокращается количество орнаментов из неглубоких ямок, геометрических узоров, но увеличивается доля гребенчатых, выполненных в основном “качалкой”.

Каменный инвентарь кошкянских поселений в Приобье рассматривался А.В. Шаманаевым [2001, 2002], а в Приишмье – Л.А. Дрябиной [1995] и С.Н. Скочиной [2002]. А.В. Шаманаев пришел к очень важному, на мой взгляд, выводу, доказывающему преемственность неолитических комплексов: “Каменная индустрия кошкянской культуры имеет выраженное сходство с комплексами каменного инвентаря других неолитических культур региона (козловской, боборыкинской, полуденской). Сходство проявляется в составе сырья, технике расщепления, приемах вторичной обработки и типологическом составе коллекций” [2001, с. 152]. В целом

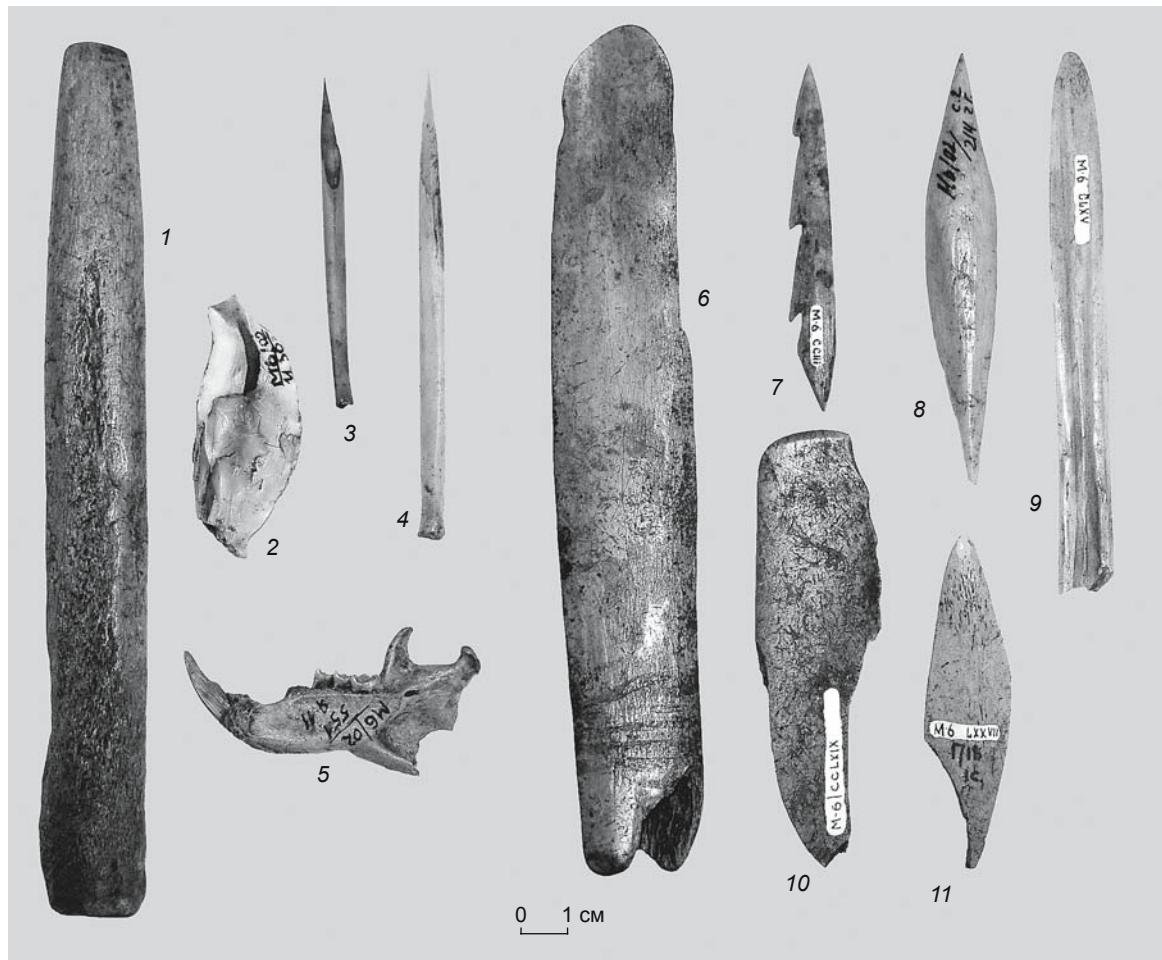

Рис. 3. Костяной инвентарь кошкинского этапа с поселения Мергень-6.

комплексы характеризуются микролитоидностью, а употребление резцового скола и ретуширование попечных краев пластинок свидетельствуют, вероятно, о раннем происхождении этих комплексов и длительном сохранении мезолитических традиций.

Костяные орудия обнаружены лишь на пришлеских поселениях Мергень-5 и 6. Представлены значительными сериями – остриями, “рыбочистками”, долотами и иглами (рис. 3). Особую группу составляют изделия из расколотых пополам или целых зубов, эмаль которых заменяла твердые кремневые породы (рис. 3, 2, 5). Зубы, а иногда и относительно целые челюсти с зубом использовались как скобели и резцы. Аналогичные орудия известны, например, в мезолитическом комплексе поселения Веретье и неолитическом Иня-11 [Ошибкина, 1997; Зах, 2003].

Определения остеологического материала с поселений Мергень-5 и 6 позволили П.А. Косинцеву и А.Е. Некрасову заключить, что кошкинское население охотилось на лося, косулю, северного оленя, медведя, дикую лошадь, водоплавающую и болотную дичь. В основном ради меха добывались заяц, сурок,

бобр, волк, лиса, куница, барсук и выдра. С собакой достаточно больших размеров охотились на крупных млекопитающих [Косинцев, Некрасов, 1999]. Кроме того, кошкинцы занимались рыболовством.

Полуденковская культура

Проанализировав керамику с поселения ЮАО-15, В.И. Асташкин предложил рассматривать козловские и полуденковские комплексы в рамках одной, козловской культуры с тремя фазами развития: евстюнихинской, козловской и полуденковской [1993, с. 59]. На мой взгляд, имеющиеся материалы позволяют объединить в рамках одной культуры (полуденковской) козловские и полуденковские комплексы как два этапа ее развития, а евстюнихинские, кокшаровско-юрьевинские и сумпаньинские, во многом схожие и существовавшие синхронно, но на разных территориях, отнести к различным культурным образованиям, сложившимся на северной борзыкинско-кошкинской основе.

Козловский этап. Крайним западным поселением является Исетское Правобережное, расположенное в верховьях р. Иsetи. На востоке граница распространения козловской керамики очерчивается долиной Тобола, на юге отмечается поселением Ташково-1, на севере памятники с козловскими материалами известны в бассейне Тавды [Кернер, 1991; Викторова, 1968; Ковалева, Ивасько, 1991].

Поселки располагались по берегам рек и в основном проточных озер. Жилища представляли собой полуземлянки глубиной до 0,8 м, подпрямоугольной формы, с каркасно-столбовой конструкцией стен и крыши [Матющенко и др., 1995, с. 94]. Площадь их составляла, как правило, 30–40 м², но встречаются и меньших, и больших размеров. У большинства жилищ выход в виде одного или двух выступов в стене, часто направленный в сторону водоема.

Сосуды слегка закрытой формы с округлым или приостренным дном. В тесто в качестве примеси добавлялись песок, шамот и органика. Верхний край венчика, как правило, уплощен, с внутренней стороны отмечается массивный наплыв подтреугольной формы или плавно опускающийся по стенке. Нередко на венчике присутствуют защицы – “ушки”, иногда с объемными налепами в виде головок животных, а возможно, и человека. Отличительной чертой козловской керамики является наличие под краем венчика некоторых сосудов сквозных отверстий [Викторова, 1968, рис. 2; Ковалева, Ивасько, 1991, рис. 9, 8; Стефанов, 1991, рис. 4]. Аналогичные отверстия отмечены на посуде изылинского этапа верхнеобской неолитической культуры с поселения Иня-11 [Зах, 2003, рис. 79–81].

Орнамент наносился на всю поверхность сосуда, включая дно (рис. 4). На некоторых экземплярах выделяются горизонтальные и вертикальные зоны, большинство орнаментировано горизонтальными лентами: в основном это чередование прямых, волнистых и наклонных линий, выполненных прочерчиванием, отступанием палочки или оттисками гребенки. Нередко орнамент представляет собой горизонтальные ленты взаимопроникающих треугольников. Часто аналогично украшен и внутренний край венчика (наплыв). Вертикальные ленты орнамента состоят из прямых или волнистых линий, выполненных прочерчиванием либо отступанием палочки, треугольников или древовидных фигур, напоминающих таковые на боборыкинских сосудах.

Инвентарь представлен наконечниками на пластинках с подправленным острием и плоским насадом, ножами, скребками, сверлами, провертками, резцами

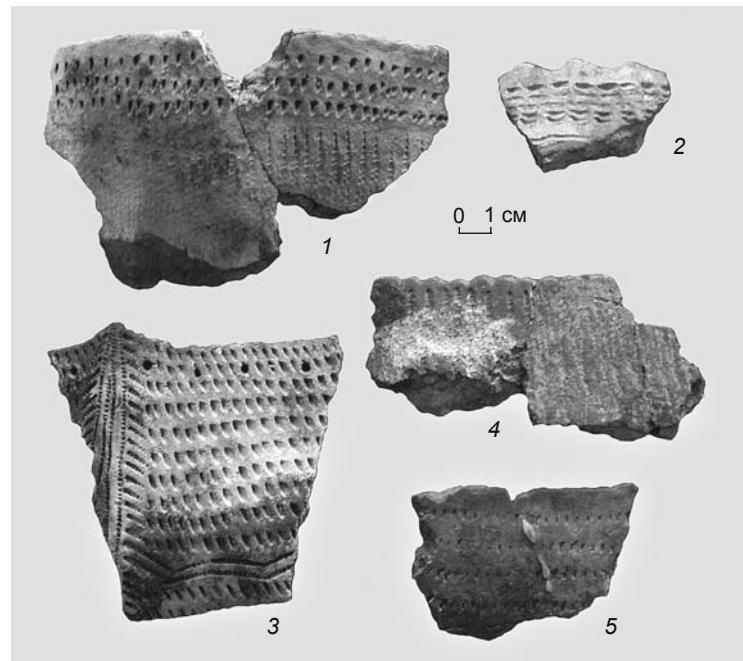

Рис. 4. Керамика козловского этапа полуденковской культуры с поселения ЮАО-18 (“8-й пункт”).

и остриями. Каменная индустрия козловского этапа характеризуется как пластинчатая, с определенной долей микролитов и ограниченным количеством шлифованных орудий из сланца.

Полуденковский этап. Характеризуя козловские материалы, В.Т. Ковалева и Л.В. Ивасько отмечают, что “удается проследить генетическую связь памятников козловской группы как с предшествующей эпохой Среднего Зауралья – мезолитом, так и с последующим этапом в развитии неолита – полуденской культурой. <...> Полуденская культура – дальнейший шаг в развитии культуры козловского типа” [1991, с. 131].

Комплексы полуденковского этапа в Нижнем Приоболье исследованы в основном на памятниках, расположенных по берегам Андреевских озер. Единичны находки на поселениях Сосновый Остров, Черемуховый Куст, Язевка. Крайним южным полуденковским памятником можно считать поселение Охотино, северо-восточным – Бичили-1 с комплексом керамики с отступающе-гребенчатым орнаментом [Старков, 1980]. Таким образом, ареал полуденковских памятников охватывает территорию от Курганского Приоболья на юге до Прииртышья на северо-востоке и Нижнетагильского региона на северо-западе.

Поселки располагались на побережьях озер и рек, а также на небольших террасовидных останцах среди низинных участков заторфованных водоемов, что может указывать на достаточно аридный климат.

Жилища представляли собой полуземляночные каркасно-столбовые сооружения подпрямоугольной

формы площадью от 15 до 217 м², но в основном 30–40 м² [Ковалева, 1975; Алексашенко и др., 1984; Алексашенко, Паутова, 1979; Варанкин, 1982].

Сосуды полужицвидные со слегка наклонными внутрь стенками и круглым дном. Край венчика плоский, иногда волнистый, с внутренней стороны имеется наплыв подтреугольной формы с заглаженным ребром. В керамическое тесто добавлялись песок, шамот и птичий помет [Варанкин, 1982].

Специфика орнаментации полуденковской керамики точно определена В.Ф. Старковым, называвшим ее волнисто-гребенчатой, т.е. сочетающей отступающе-прочерченные волнистые узоры с гребенчатыми вдавлениями [Старков, 1973, 1980]. Доминируют первые, а доля гребенчатых орнаментов варьирует в пределах 25–50 % [Асташкин, 1993]. Основные элементы декора практически идентичны таковым на козловской керамике: это горизонтальные прямые и волнистые линии, ленты взаимопроникающих треугольников, ряды оттисков “шагающей” гребенки, вертикальные ряды ямок круглой и каплевидной формы. Достаточно часто наблюдаются прямые или волнистые линии, нанесенные отступающей палочкой поверх оттисков “шагающей” гребенки.

При сохранении пластинчатой индустрии инвентарь полуденковского этапа во многом отличается от козловских каменных комплексов, в нем “меньше ретушированных пластин, больше скребков и наконечников стрел. Только в этих постройках (полуденковских. – В.З.) найдены плитчатые нуклеусы и долотца на отщепах, но нет резцов, скошенных острый и пластин с ретушированным поперечным краем” [Дрябина, Хухорова, 2001]. Обитателями полуденковских поселков широко использовались пиление, шлифование и сверление. Найдены абразивные пилы и плиты [Алексашенко, 1986]. Для сверления применялись сверла на пластинах, аналогичные известным на памятниках лесного Зауралья [Сериков, 1975].

Кокуйская культура

Ареал кокуйских комплексов очерчивается памятниками, содержащими керамику с отступающе-гребенчато-ямочной орнаментацией. На севере граница проходит примерно по Иртышу, на юге она отмечена многослойным поселением Пеньки-1, на западе не выходит за пределы бассейна Ишима, на востоке кокуйская керамика найдена на р. Таре и на поселении Автодром-2 у с. Венгерова [Чалая, 1972; Панфилов и др., 1991; Панфилов, 1993; Молодин и др., 1998; Тихонов, Татауров, 2003; Матющенко, 2003].

Поселки располагались преимущественно в поймах на песчаных останцах или на мысах первых надпойменных террас в месте слияния рек. Жилища

представляли собой одно- или двухкамерные полуzemлянки подквадратной или подпрямоугольной формы. Площадь однокамерных 54–66, двухкамерных – до 179 м² [Матющенко и др., 1995].

Для изготовления керамики использовались в основном тяжелые суглиники, в качестве добавок в тесто равномерно вводились песок и шамот, отмечаются кости рыб и раковины. Посуда открытой или слегка закрытой полужицвидной формы с округлым или приостренным дном. Край сосуда в большинстве случаев ровный, изредка волнистый, достаточно часто орнаментирован. Венчики овальные, приостренные или уплощенные. У небольшого числа сосудов по верхнему краю имеются пальцевые защицы. Характерной особенностью является канальчик внутри венчика, образовавшийся в результате выгорания нити или сухожилия, которыми обвязывался верхний край сырого сосуда.

Кокуйская посуда полностью орнаментирована, включая дно. Основными приемами нанесения узора являются отступающая палочка, накол и гребенчатые вдавления. У большинства сосудов по тулову ряды ямок различной формы. Основные элементы узора – горизонтальная прямая или волнистая, наклонная и вертикальная линии.

В состав кокуйских каменных комплексов входят украшения и орудия, выполненные преимущественно на пластинах: вытянутые и укороченные наконечники стрел подтреугольной формы с подработанными ретушью острием и насадом, ножи, концевые скребки, резцы, проколки, провортки. Из шлифованных орудий наиболее многочисленны топоры и тесла. В каменном инвентаре поселений кокуйской культуры, в отличие от боборыкинско-кошкинского комплекса, отсутствуют скошенные остряя и геометрические микролиты.

Комплексы Тоболо-Ишимья с гребенчатой керамикой

В период существования кокуйской и полуденковской культур с отступающе-гребенчатой и отступающе-гребенчато-ямочной орнаментальными традициями гребенчатый орнамент на посуде сочетается с отступающе-прочерченными и ямочными узорами. Нередко гребенчатые оттиски, чаще всего выполненные “качалкой”, перекрываются прямой прочерченной линией или волнистой, нанесенной отступающей палочкой. Как самостоятельный гребенчатый орнамент встречен на незначительном количестве сосудов в составе боборыкинско-кошкинских древностей [Васильев и др., 1998] и комплекса ЮАО-18 (“8-й пункт”), вероятно сосуществовавшего с боборыкинским [Зах, Матвеева, 1997]. Однако расцвет гребенчатой орнаментальной традиции в Тоболо-Ишимье связан с поздненеолитическим периодом.

Сосновоостровская культура

Ареал памятников позднего этапа неолита, очерченный В.Ф. Старковым, включал три их группы – северососьвинскую, уральскую и тобольскую [Старков, 1980]. М.Ф. Косарев сузил ареал комплексов, близких сосновоостровским, до “свердловско-тагильского и тюменского регионов Нижнего Приобья” [1981, с. 23].

Поселения тобольской группы находятся на территории Тоболо-Ишимья и составляют, на мой взгляд, ядро сосновоостровской культуры. Наибольшая их концентрация наблюдается в Нижнем Приобье по берегам Андреевской озерной системы, Тарманского озерно-болотного массива и междуречья Тобола и Исети [Матвеев и др., 1997; Волков, Дрябина, 2001]. Отдельные памятники с сосновоостровской или близкой ей керамикой встречены в Курганском Приобье и Нижнем Приишмье [Панфилов, 1993]. Поселения расположены на возвышенных участках или склонах террас рек и озер, на останцах среди обширных пойменных или заболоченных массивов. Жилые постройки представляли собой полуземлянки подквадратной или подпрямоугольной формы площадью от 46 до 100 м² [Викторова, 1968; Стефанов, 1991; Дрябина, Пархимович, 1991; Алексашенко, Викторова, 1991; Панфилов, 1993].

Керамика изготавливалась из глины гидрослюдомонтмориллонитового состава с примесью пылеватого обломочного материала, добавлялись песок и шамот. Отмечены мелкие неправильной формы образования, обогащенные гидроокислами железа, с примесью зерен кварца, единичные округлые железистые и мелкие округлые фосфатные включения органического происхождения, возможно остатки рыб, а также гуано в виде изотропных овальных обломков светло-серого и ярко-бурого цвета. Посуда закрытой полуяйцевидной формы со слегка округлым, иногда уплощенным венчиком, в редких случаях с небольшим наплывом с внутренней стороны, округлым или приостренным дном.

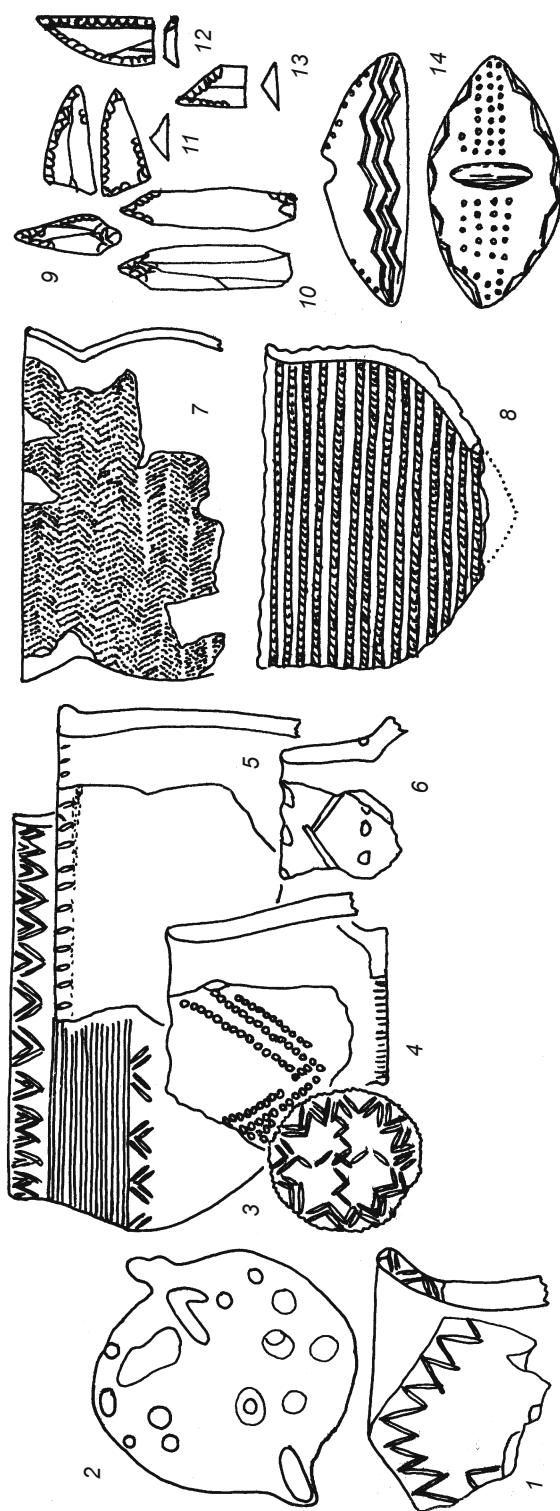
Орнамент покрывает всю поверхность сосуда до дна, включая внутренний край венчика. Преобладают отиски гребенки в виде “качалки”. Элементы орнамента стабильны, доминируют прямые, волнистые и зигзагообразные горизонтальные линии, довольно часто сочетающиеся между собой. Единичны треугольники, в т.ч. взаимопроникающие, ромбы и другие геометрические фигуры.

Каменный инвентарь представлен концевыми скребками, остриями, резцами, наконечниками стрел и ножами. Ножи, топоры и тесла изготовлены из сланца, различные абразивные плитки – из песчаника.

Хронология и периодизация

Многослойность большинства поселений и перемешанность культурных слоев на памятниках Приобья затрудняют решение вопроса о стратиграфическом соотношении неолитических комплексов. Нельзя не согласиться с В.Т. Ковалевой в том, что далеко не всегда удается расчленить полуденковские, козловские и кошкинские древности из-за нечеткости их типологических характеристик [1989, с. 39]. Более низкое стратиграфическое положение боборыкинских комплексов относительно древностей эпохи раннего металла (андреевских, шапкульских, гребенчато-ямочных) у исследователей не вызывает возражений. Наиболее ранним боборыкинским поселением практически с однородным керамическим комплексом в Приобье является Юртобор-3. Котлованы исследованных жилищ заполнены черноватой супесью с углистыми вкраплениями. Во всех трех жилищах этот слой ограничен сверху и пронизан двумя-тремя горизонтальными ортзандровыми прослойками, которые, на мой взгляд, маркируют культурные напластования [Зах, 1995]. Боборыкинский культурный слой перекрыт серой и черной супесью, в которых встречена более поздняя керамика. На дне жилищ, сложенном суглинками и ортзандрами, в заполнении и ямах обнаружена однородная боборыкинская посуда.

О раннем появлении в Приишмье боборыкинской культуры свидетельствуют материалы поселения Мерген-3. В заполнении исследованных жилищ выявлен однородный боборыкинский комплекс [Зах, Скочина, 2002]. Интересен тот факт, что серая супесь (культурный слой), заполнившая котлован (первичное заполнение), за его пределами лежала непосредственно на материке – желтоватом суглинке, т.е. жилище было сооружено на озерной террасе, еще не накопившей значительных дерново-гумусных отложений. Скорее всего, слой серой супеси в жилище и за его пределами формировался одновременно. Это косвенно говорит о древности поселения, которое было сооружено до или в самом начале атлантического периода голоцен, когда на Мергенской озерной террасе стал накапливаться гумус, перекрывший культурный слой мезолитического поселения Катенька, расположенного рядом. О большем возрасте боборыкинских комплексов по сравнению с кошкинскими, козловскими и полуденковскими можно судить не только по стратиграфии, но и на основе данных радиоуглеродного датирования (рис. 5). По углю из жилищ 1 и 2 поселения Юртобор-3 получены даты $7\ 701 \pm 120$ (УПИ-559) и $9\ 025 \pm 70$ (СОАН-5311) л.н. [Зах, 1995; Пошехонова, 2004]. Для боборыкинского комплекса поселения Ташково-1 известна дата $7\ 440 \pm 60$ л.н. (ЛЕ-1534) [Тимофеев, Зайцева, 1996]. Вместе с тем даты, например, для ЮАО-9

БОДПБИКНКАР КУЛПТВА

VI - непараллельная VI тип. № 3.

КОЛКИНЧКИН 3 этап

VI - непараллельная VI тип. № 3.

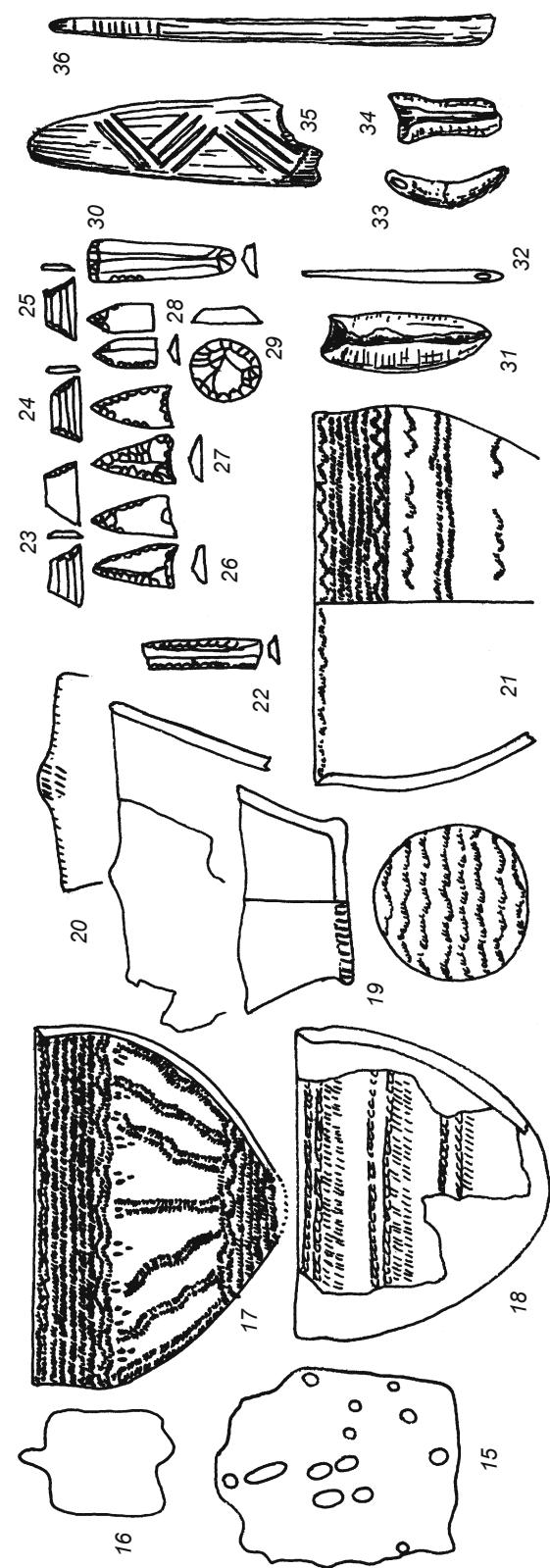
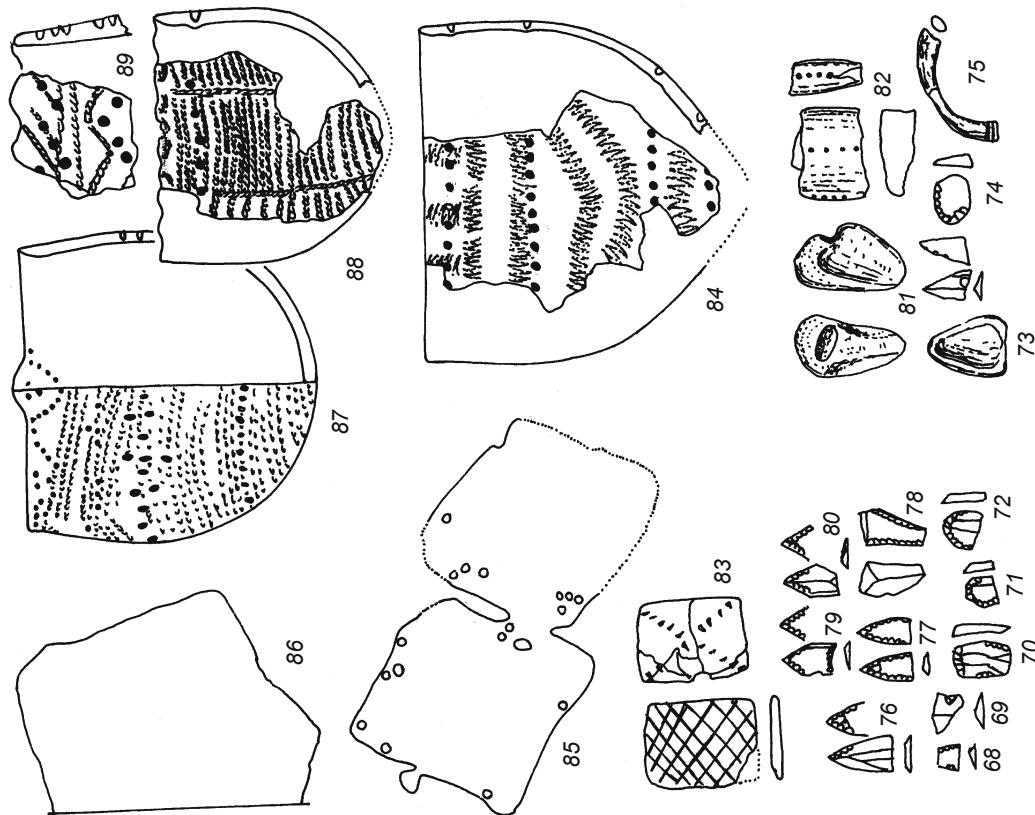
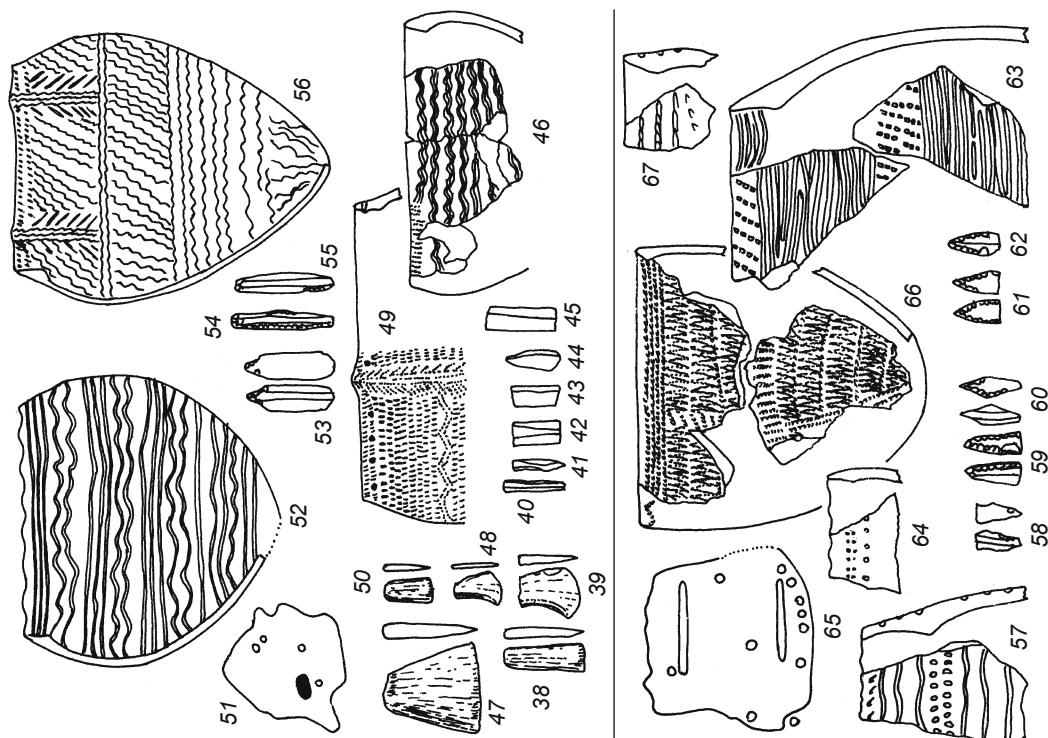

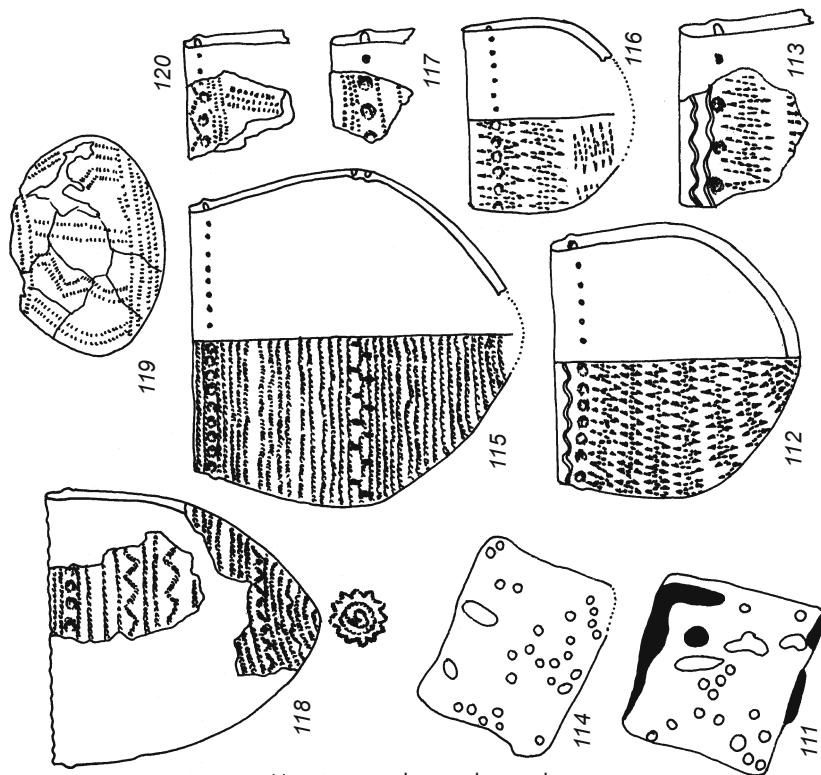
Рис. 5. Схема периодизации неолита лесного Тоболо-Ишимья.

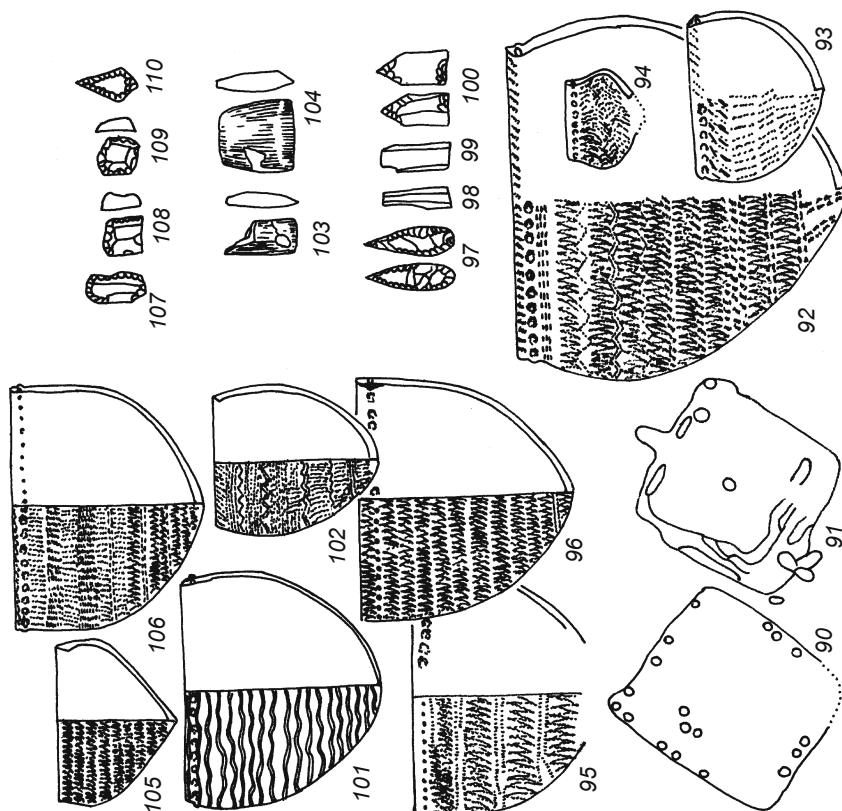
Прикладні рис. 5.

Прикладні рис. 5.

ЛПНДОБОЕ
СОХОДОДТВОБКАИ КУЛПТВА
БРОПА - ТРЕПА ТРЕПА IV ТРС. АДО Н.3.

ЛПНДОБОЕ
СОХОДОДТВОБКАИ КУЛПТВА
БРОПА - ТРЕПА ТРЕПА IV ТРС. АДО Н.3.

Окончание рис. 5.

и ЮАО-18 имеют достаточно большой разброс: соответственно $6\ 750 \pm 180$ л.н. (ЛЕ-1287) и $9\ 140 \pm 60$ л.н. (ЛЕ-2296) [Неолитические памятники..., 1991, с. 198; Усачева, 2001]. Однако большинство из них все же указывают на существование комплексов боборыкинского этапа в пределах VI тыс. до н.э., а возможно и раньше.

В Притоболье, по мнению В.Т. Ковалевой, “стратиграфические наблюдения пока позволяют установить последовательность напластований с находками кошклинского и боборыкинского типов” [1989, с. 34]. На поселении Ташково-3 “в верхнем слое, покрывающем котлован кошклинского жилища, находилась среди прочей боборыкинская керамика, что свидетельствует о ее более поздней дате” [Там же, с. 31]. “Нижний слой, заполняющий котлован жилища, – супесь темно-серого цвета мощностью до 1,2 м, в котором найдена керамика от 20–25 сосудов кошклинского типа” [Там же, с. 29]. На ЮАО-15 “раскопано два боборыкинских жилища, одно из которых прорезало более раннее жилище кошклинского типа, что позволило установить более поздний возраст боборыкинских древностей относительно кошклинских” [Там же, с. 50]. И все же В.Т. Ковалева сомневается в стратиграфии, т.к. далее отмечает: “Однако наиболее убедительной является типологическая характеристика керамики и каменного инвентаря. Из всех групп неолитической керамики в лесном Зауралье кошклинская является наиболее архаичной” [Там же, с. 34]. Для Ташкова-3 получена абсолютная дата $6\ 380 \pm 120$ л.н. (ЛЕ-4344), соответствующая второй половине V тыс. до н.э. [Там же, с. 29–30]. Чуть более ранним временем, но в пределах V тыс. до н.э. датируется кошклинский комплекс поселения Исток-4 – $6\ 620 \pm 260$ л.н. (ЛЕ-2998) [Степанова, 1991].

Данные радиоуглеродного датирования козловских материалов и синхронных им сумпаньинских и кокшаровско-юрынских охватывают довольно большой отрезок времени. По углю из жилища 1 поселения Исетское Правобережное получены две даты – $7\ 950 \pm 1\ 290$ (ЛЕ-3064) и $8\ 400 \pm 400$ л.н. (ЛЕ-3068) [Неолитические памятники..., 1991, с. 198], одна из которых, с большим доверительным интервалом, скорее всего, относится к козловскому керамическому комплексу. При хорошо выраженной типологической принадлежности керамики к полуденковской культуре (козловский и полуденковский этапы) столь ранние даты вызывают сомнение. Наиболее достоверно хронологическое положение сумпаньинских и кокшаровско-юрынских материалов, а вместе с ними и козловских, отражают, видимо, даты для поселений Сумпана-4 и 6, не выходящие за пределы V тыс. до н.э.

Время существования полуденковских комплексов в Нижнем Притоболье определялось датой $5\ 590 \pm 195$ л.н. (ЛЕ-1286), полученной по углю из ямы со дна жилища 2 поселения Карьер-2, распо-

ложенного на Андреевском озере [Варанкин, 1982]. По моему мнению, оценка возраста полуденковских комплексов этого поселения и Кокшаровско-Юрынской стоянки ($5\ 190 \pm 60$ л.н. (ЛЕ-2058)) завышена. Она больше соответствует времени существования комплексов с гребенчатой керамикой Дуванско-5 ($5\ 295 \pm 60$ л.н. (ЛЕ-1368)) и близких им, обнаруженных на поселении Серебрянка-1 ($6\ 200 \pm 200$ (УПИ-556), $5\ 095 \pm 78$ (УПИ-637), $5\ 690 \pm 40$ (УПИ-636) л.н.). На последнем два жилища с гребенчатой керамикой перерезают жилище с кокуйской посудой [Панфилов, 1993], синхронной, на мой взгляд, комплексам козловского и полуденковского этапов полуденковской культуры. Скорее всего, существование последней ограничено V тыс. до н.э., но, возможно, верхняя граница лежит в самом начале IV тыс. до н.э.

Хронологическая позиция ранней гребенчатой керамики и комплексов сосновоостровской культуры определяется стратиграфическими данными и радиоуглеродными датами. Посуда с гребенчатой орнаментацией известна уже в составе боборыкинских и кошклинских комплексов на поселениях Ук-6, Юртобор-3, Двухозерное и др. Имеются свидетельства перерезания сосновоостровского жилища ямой с боборыкинской керамикой на ЮАО-18 (“8-й пункт”) [Зах, Матвеева, 1997].

На поселении Дуванско-5 прослежено планиграфическое расчленение козловского и сосновоостровского комплексов, соответствующих определенным постройкам. По мнению В.И. Стефанова, жилище 1 с козловской керамикой более раннее, чем жилище 2 с сосновоостровской посудой, для которого по углю со дна получена дата $5\ 295 \pm 60$ л.н. (ЛЕ-1367) [1991]. На поселении Серебрянка-1 два жилища с керамикой, близкой сосновоостровской, которые перерезали двухкамерное жилище с кокуйской посудой, датированы по углю первой половиной IV тыс. до н.э. [Панфилов, 1993, с. 21].

Рассмотренные неолитические материалы Тоболо-Ишимья позволяют предложить периодизацию, в которой наиболее раннюю позицию занимает боборыкинская культура пришлого населения, послужившая вместе с местными мезолитическими комплексами основой для формирования последующих культур региона (см. рис. 5).

Список литературы

Алексашенко Н.А. Хозяйство Нижнего Притоболья эпохи неолита и ранней бронзы (по данным анализа орудий труда): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1986. – 18 с.

Алексашенко Н.А., Викторова В.Д. Неолитические жилища ЮАО-5 // Неолитические памятники Урала. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. – С. 161–183.

Алексашенко Н.А., Викторова В.Д., Панина С.Н. Жилища Андреевского озера (9-й участок) // Древние по-

селения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1984. – С. 15–32.

Алексашенко Н.А., Паутова Т.П. Неолитическое жилище на северном берегу Андреевского озера // Вопросы археологии Приобья. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1979. – С. 51–59.

Асташкин В.И. Орнаментальные традиции и некоторые проблемы культурной эволюции в неолите Зауралья // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. – СПб.: Изд-во ИИМК, 1993. – Ч. 2: Археология и изучение культурных процессов и явлений. – С. 54–59.

Бадер О.Н. Уральский неолит // МИА. – 1970. – № 166. – С. 157–171.

Беспрозванный Е.М. Первые мезолитические жилища в таежной зоне Западной Сибири // Проблемы древних культур Сибири. – Новосибирск: ИИФФ СО РАН, 1985. – С. 91–95.

Беспрозванный Е.М. Мезолит таежной зоны Западной Сибири (предварительные итоги изучения) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. – Вып. 1. – С. 26–38.

Бобринский А.А., Васильева И.Н. О некоторых особенностях пластического сырья в истории гончарства // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1998. – С. 193–217.

Бобров В.В. Материалы раскопок на поселении Автодром-2 (предварительные результаты) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2004. – С. 185–188.

Варанкин Н.В. Стоянка Карьер-2 – памятник эпохи неолита // Археологические исследования севера Евразии. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1982. – С. 13–17.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Глущенко С.А. Поселение Ук-6 в Тюменском Приобье // Исторические исследования: Сб. науч. тр. – Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1998. – Вып. 2. – С. 254–267.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Поздненеолитическая стоянка Тентексор в Северном Прикаспии // Древние культуры Северного Прикаспия. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. пед. ин-та, 1986. – С. 6–31.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Козин Е.В. Исследование неолитической стоянки Каир-Шак-3 // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. – Куйбышев: Изд-во Куйбышев. гос. пед. ин-та, 1989. – С. 18–45.

Викторова В.Д. Сосновый остров – стоянка эпохи бронзы Среднего Зауралья // СА. – 1968. – № 4. – С. 161–173.

Викторова В.Д. Святилище боборыкинской культуры на памятнике Палатки-1 // Вопр. археологии Урала. – Екатеринбург, 2002. – Вып. 24. – С. 46–66.

Виноградов А.В. Неолитические памятники Хорезма. – М.: Наука, 1968. – 190 с.

Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. – М.: Наука, 1981. – 174 с.

Волков Е.Н., Дрябина Л.А. Культурно-хронологические комплексы памятника Остров-2 в Ингальской долине // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. – С. 26–36.

Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. Периодизация поселений

эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблема хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1970. – С. 12–51.

Дрябина Л.А. Каменная индустрия поселения Мерген-5 // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1995. – С. 3–11.

Дрябина Л.А., Пархимович С.Ю. Поселение Гилево-8 // Неолитические памятники Урала. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. – С. 100–111.

Дрябина Л.А., Хухорова Н.В. Динамика развития неолитического поселения на 15-м участке Андреевского озера // Словцовские чтения–2001: Материалы Всерос. науч.-практ. краевед. конф. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2001. – С. 88–90.

Ермаков В.К., Зах В.А., Ермакова В.А. Петрографический анализ керамики эпохи неолита – раннего железа лесостепного Зауралья // Актуальные проблемы западносибирской археологии. – Новосибирск: ИИФФ СО РАН, 1989. – С. 75–78.

Зах В.А. Боборыкинский комплекс поселения Юртобор-3 в Нижнем Притоболье // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. – Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1995. – С. 12–28.

Зах В.А. О некоторых методах изучения древней западносибирской керамики // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 1999. – Вып. 2. – С. 3–9.

Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаяря и Приобья. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – 168 с.

Зах В.А., Матвеева Н.П. Поселение “8-й пункт” на Андреевском озере (о соотношении керамики с различными орнаментальными традициями в неолите Притоболья) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, 1997. – Вып. 1. – С. 3–8.

Зах В.А., Скочина С.Н. Поселение Мерген-3 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень, – 2002. – Вып. 4. – С. 37–56.

Кернер В.Ф. Поселение Исетское Правобережное // Неолитические памятники Урала. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. – С. 46–67.

Ковалева В.Т. Неолитическое жилище на стоянке Козлов Мыс-1 // Вопр. археологии Урала. – Свердловск, 1975. – Вып. 13. – С. 86–91.

Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1989. – 80 с.

Ковалева В.Т., Арефьев В.А. О семантике сосудов с рельефными зооморфными изображениями // Вопр. археол. Урала. – Екатеринбург, 1993. – Вып. 21. – С. 107–119.

Ковалева В.Т., Ивасько Л.В. Неолитические комплексы поселения Ташково-1 на Исети // Неолитические памятники Урала. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. – С. 112–131.

Комарова М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. – 1956. – Вып. 64. – С. 93–103.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. – М.: Наука, 1981. – 280 с.

Косинцев П.А., Некрасов А.Е. Промысловая деятельность людей из поселений, расположенных на берегу озера Мерген (Мерген-5 и 6) в неолите и энеолите // Экология

древних и современных обществ. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. — С. 100–106.

Логгин В.Н. Тургайский прогиб в эпоху мезолита – неолита: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Новосибирск, 2002. — 40 с.

Логгин В.Н. Ранний энеолит Тургая// Археология, этнография и антропология Евразии. — 2003. — № 1 (13). — С. 98–105.

Матвеев А.В., Волков Е.Н., Ларин С.И., Адамов А.А., Зах В.А., Сладкова Л.Н. Разведочные работы в Ингальской долине // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень, 1997. — Вып. 1. — С. 150–152.

Матюшенко В.И. Могильник на Татарском Увале у д. Окунево (ОМ VII): Раскопки 1998, 1999 годов. — Омск: Ом. гос. ун-т, 2003. — 157 с.

Матюшенко В.И., Чемякин Ю.П., Борзунов В.А. Лесная полоса // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1995. — Т. 1. — Кн. 1: Поселения и жилища. — Гл. 2: Поселения и постройки эпохи камня. — С. 90–103.

Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. — М.: Наука, 1982. — 150 с.

Молодин В.И., Бобров В.В., Чемякина М.А., Ефимова Н.С., Гаркуша Ю.Н. Исследование неолитического памятника Автодром-2 в Центральной Барабе — первые результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. — Т. 4. — С. 140–143.

Моргунова Н.Л. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. — Оренбург: Изд-во Оренб. гос. пед. ин-та, 1995. — 222 с.

Неолитические памятники Урала. — Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. — Из содерж.: Заключение. — С. 197–199.

Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). — Екатеринбург: Тезис, 1999. — 216 с.

Ошибкина С.В. Вертье-1: Поселение эпохи мезолита на севере Восточной Европы. — М.: Наука, 1997. — 204 с.

Панфилов А.Н. К вопросу о периодизации неолита лесостепного Приишимья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. — Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1991. — С. 33–36.

Панфилов А.Н. Многослойное поселение Серебрянка-1 в Нижнем Приишимье: (Итоги полевых исследований). — Препр. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1993. — 80 с.

Панфилов А.Н., Зах Е.М., Зах В.А. Боровлянка-2 — памятник неолита и переходного от бронзы к железу времени в Нижнем Приишимье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. — Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та, 1991. — С. 25–50.

Петров А.И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Кемерово, 1986. — 18 с.

Петров А.И. Периодизация и хронология памятников екатерининской культуры в Среднем Прииртышье // Источники по истории Западной Сибири (история и археология). — Омск: Ом. гос. ун-т, 1987. — С. 4–20.

Пошехонова О.Е. Особенности керамического производства у неолитического населения Тоболо-Ишимья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. — Тюмень, 2004. — Вып. 5. — С. 20–26.

Пошехонова О.Е., Скочина С.Н. Реконструкция хозяйства неолитического поселения Юртобор-3 // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2004. — Вып. 5. — С. 79–83.

Сериков Ю.Б. Каменные сверла неолитических памятников лесного Зауралья // Памятники древней истории Евразии. — М.: Наука, 1975. — С. 158–163.

Скочина С.Н. Каменная индустрия неолитических поселений Мергенъ-3 и Мергенъ-5 (типологический и трансологический анализ) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. — Вып. 3. — С. 34–39.

Собольникова Т.Н. Гончарные традиции низовий Конды в эпоху неолита — ранней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Барнаул, 1999. — 22 с.

Старков В.Ф. О месте памятников с волнисто-гребенчатой керамикой в неолите Зауралья // Из истории Сибири. — Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973. — Вып. 7. — С. 12–19.

Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. — М.: Наука, 1980. — 220 с.

Старков В.Ф. Жилища эпохи неолита и энеолита в лесном Зауралье // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. — Л.: Наука, 1983. — С. 95–101.

Степанов В.И. Неолитическое поселение Дуванско-5 // Неолитические памятники Урала. — Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. — С. 144–160.

Степанова Н.К. Исток-4 — неолитический памятник Тюменского Приоболья // Неолитические памятники Урала. — Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. — С. 132–143.

Тимофеев В.И., Зайцева Г.И. Проблемы абсолютной хронологии // Археология: Неолит Северной Евразии. — М.: Наука, 1996. — С. 345–354.

Тихонов С.С., Татауров С.Ф. Поселение Танатово-9 // Новое в археологии Среднего Прииртышья. — Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2003. — С. 121–129.

Третьяков В.П. Культура ямочно-гребенчатой керамики в лесной полосе европейской части СССР. — Л.: Наука, 1972. — 135 с.

Усачева И.В. Стратиграфические позиции неолитических типов керамики поселения “VIII пункт” на Андреевском озере и некоторые общие вопросы неолита Зауралья // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. — С. 116–132.

Чаала Л.А. Озерные стоянки Павлодарской области: Пеньки-1, 2 // Поиски и раскопки в Казахстане. — Алма-Ата: Наука КазССР, 1972. — С. 163–181.

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. — 1953. — № 35. — С. 10–36.

Чернецов В.Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. — М.: Наука, 1968. — С. 41–53.

Шаманаев А.В. Каменная индустрия кошкинской культуры (по материалам памятников оз. Андреевского) // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. — Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. — С. 146–153.

Шаманаев А.В. Каменные индустрии мезолита — раннего бронзового века Нижнего Приоболья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — СПб., 2002. — 23 с.